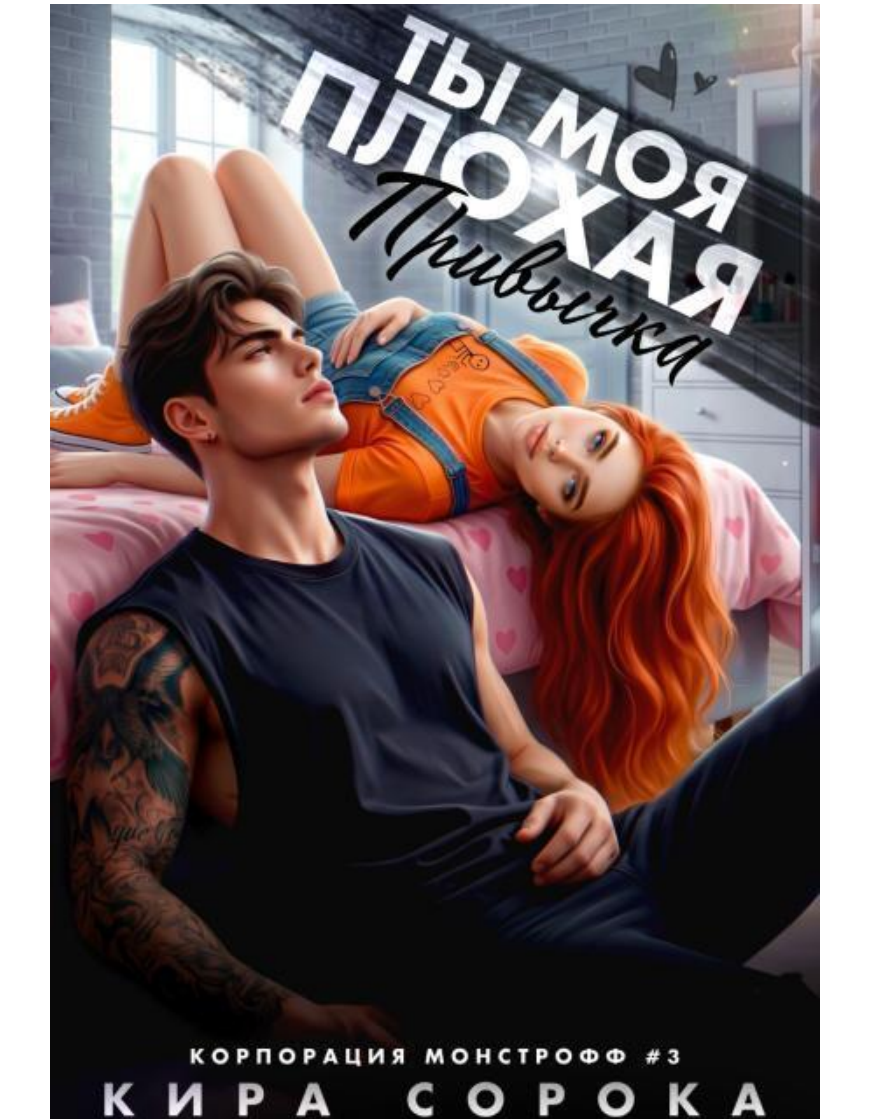

ТЫ МОЯ ПЛОХАЯ *Привычка*

КОРПОРАЦИЯ МОНСТРОФФ #3

КИРА СОРОКА

Кира Сорока

Ты моя плохая привычка

<https://litres.ru/74238822>

Аннотация

Правило первое – не напиваться назло красивым мерзавцам. Правило второе – не просыпаться в их постелях. Правило третье – держаться подальше от мажоров. Все три правила я нарушила за одну ночь.

Теперь Феликс Егоров смотрит на меня так, будто я его собственность. А я даже не помню, как здесь оказалась...

История Феликса Егорова из циклов Прятки и Корпорации монстрофф)

Мажор и девочка с характером! Сильные эмоции! Первая любовь!

История пишется в рамках Литмоба «Заноза для Мажора»

Благодарю за Ваше внимание и поддержку ♥️#

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Мне не до красивых парней.	6
ГЛАВА 2. Бойся своих желаний.	14
ГЛАВА 3. Вся моя жизнь исчезла.	24
ГЛАВА 4. Колючка	36
ГЛАВА 5. Три дня с колючкой.	42
ГЛАВА 6. Мы не друзья.	50
ГЛАВА 7. Проветриться.	56
ГЛАВА 8. Розовое в сердечко.	62
ГЛАВА 9. Куриная лапша и стиралка.	70
ГЛАВА 10. Мокрый кафель и немая война.	76
ГЛАВА 11. Многогранная.	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

ПРОЛОГ

Лиза

Просыпаюсь от головной боли. Такой сильной, что первые несколько секунд просто лежу с закрытыми глазами и пытаюсь понять, жива ли я вообще. Наконец открываю глаза и вижу незнакомый потолок. Белый, с точечными светильниками.

Это точно не моя комната.

Медленно поворачиваю голову. Большая кровать, серое постельное бельё. Пахнет чем-то... мужским. До меня не сразу доходит, что это означает. А когда доходит – внутри всё холодеет.

На мне футболка, которую я никогда раньше не видела. И под ней, кажется, ничего...

Приподнимаюсь на локтях и тут замечаю его. Он стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку. Высокий, с россыпью татуировок на теле, тёмные волосы влажные, на бёдрах – полотенце. И всё. Руки скрещены на груди, и он разглядывает меня так, будто я здесь для его развлечения.

«Красивый, сволочь», – это первое, что приходит в голову. И я сразу злюсь на себя за эту мысль.

– Выспалась? – спрашивает он с ленивой усмешкой.

Голос хрипловатый, низкий. И до бесячего спокойный.

Пытаюсь вспомнить вчерашний вечер. Пляж, костёр, музыка, алкоголь. Много алкоголя. А потом – ничего. Чёрная дыра.

– Где я? – мой голос скрипит как наждачка.

– У меня.

– А что я тут делаю?

Он приподнимает бровь. Не удивлённо, нет. Скорее с насмешкой, будто я сказала что-то забавное.

– Серьёзно? Не помнишь?

Не помню. Хоть убей, не помню.

– Что было вчера?

Он отлипает от косяка, делает пару шагов в мою сторону. Я машинально натягиваю одеяло повыше. Он это замечает и ухмыляется.

– Всё, рыжая, – говорит он, глядя мне прямо в глаза. – У нас было всё.

Наши красавчики)) Феликс и Лиза.

Листаем дальше в первую главу!

ГЛАВА 1. Мне не до красивых парней.

Лиза

Я уже в десятый раз безрезультатно набираю его номер. Наверное, сменил.

Торчу на его страничке ВК – не появляется. Мои сообщения не прочитаны.

Какого чёрта, Богдан? Тебе уведомления не приходят?

– Эй, красотка, садись к нам! – орёт какой-то парень из проезжающей мимо тачки.

Так и тянет показать средний палец, но я сдерживаюсь.

– Я уже дошла, – криво улыбаюсь ему.

Машина притормаживает. В салоне, кажется, трое. Может, четверо.

– Ты на пирс? – кивает в сторону моря тот, что за рулём.

– Да. К Богдану Монстрову, – бью сразу козырями.

Потому что Богдана все знают. И его боятся.

А ещё он – мой двоюродный дядя, и это несмотря на то, что ему только двадцать один год.

Тот, что за рулём, ухмыляется.

– Понятно. Подстилка Монстрова.

Уезжают. Смотрю вслед тачке, кипя от возмущения. В последний момент, пока машина не исчезает за поворотом, за-

поминаю номер.

Не знаю, зачем. Наверное, хочу, чтобы Богдан нашёл их и бошки им пооткручивал.

Я всегда идеализировала своего дядю. И обожала. Мы с ним дружили. До тех пор, пока моя бабушка не запретила нам общаться. И вот мы не виделись пять лет.

Поправляю лямки тяжёлого рюкзака. Они больно врезаются в плечи. Я пыталась одним махом унести в этом рюкзаке всю свою жизнь, все свои восемнадцать лет. А по сути вышло, что забрала лишь любимые туфли, пару шорт и маек, зарядку для телефона, расчёску и косметичку.

Я ушла из дома. Сбежала от бабушки. Потому что сегодня она перешла все допустимые границы.

– Брак с Сабуровым станет отличной партией, Лиза, – сказала она этим «прекрасным» вечером за ужином. И добавила: – Мы с его отцом старые знакомые. Он хочет, чтобы мы заехали к ним в эти выходные.

И она говорила не про Сабурова Марка, тот слишком взрослый для меня. А про Филиппа. А Филипп – это редкостный псих, как говорят о нём люди.

И я не хочу замуж!

Вновь зарываюсь в телефон, захожу в группу «Корпорация монстрофф».

Последний пост: «Пирс 13. Заезды эндуро в 22:00».

Супер! Я как раз вовремя. Богдан должен быть там, ведь он катается.

До пирса остаётся минут десять пешком. Ноги гудят.

Пирс 13 – это бывший грузовой порт. Года три назад его перенесли южнее, ближе к промзоне. А здесь остались бетонные плиты, старые склады и длинный причал, уходящий в море. Местные быстро приспособили территорию под свои нужды. Теперь тут вечеринки, гонки, тусовки. Всё неофициально, всё для своих.

Бабушка бы инфаркт получила, если бы узнала, куда я иду.

Эта мысль заставляет меня усмехнуться и ускорить шаг.

Пирс открывается за поворотом – и я останавливаюсь на секунду, чтобы осмотреться. Машины, мотоциклы, толпа народа. Кто-то жарит мясо на переносном мангале, откуда-то бухает музыка. В стороне от основной тусовки огорожена площадка – там стоят эндуро, и несколько парней возятся с техникой.

Заезды ещё не начались, но народ уже подтягивается к ограждению.

Пробираюсь сквозь толпу, верчу головой в поисках Богдана. Он высокий, темноволосый и обычно в чёрном. Тут, вообще-то, полно таких, но Богдана всё равно невозможно не заметить. Но его нигде нет.

Подхожу к импровизированному бару – несколько ящиков, накрытых доской. За ним стоит парень в майке с надписью “В чём сила?”, наливает что-то в стаканы из пластиковых канистр. Скидываю рюкзак под «стойку», киваю ему.

– Можно оставить?

Он пожимает плечами.

– На свой страх и риск, малышка.

– Богдана Монстрова не видел?

– Видел. Уехал недавно.

Внутри всё обрывается.

– Куда?

– Без понятия. Он мне не докладывает. Выпьешь? – протягивает мне стакан.

Отрицательно качнув головой, отхожу в сторону. Снова набираю номер Богдана. Гудки, гудки, сброс.

Пишу в ВК: «Богдан, я на пирсе. Мне нужна помощь. Пожалуйста, перезвони».

Его нет в сети, сообщение висит непрочитанным.

Вокруг шумит вечеринка. Люди смеются, пьют, кто-то уже танцует у колонок. А я стою посреди этого праздника и понимаю, что мне некуда идти.

Домой – нет. Бабушка меня, конечно, не убьёт, она сделает хуже. Посмотрит своим фирменным взглядом, полным разочарования, и повезёт к Сабуровым.

Нет уж.

Толпа вдруг начинает двигаться к ограждению. Точно! Заезды.

Иду за всеми, чтобы просто куда-то идти.

У стартовой линии выстроились четыре мотоцикла. Парни в экипировке, но забрала шлемов пока подняты. Кто-то

что-то орёт в мегафон, но я не слушаю. Взгляд сам цепляется за одного из райдеров.

Он стоит чуть в стороне от остальных. Высокий, поджарый, с широкими плечами. Экипировка чёрная с серым, на шлеме, который парень держит в руках, какая-то эмблема. Он разговаривает с кем-то из техников, и мне видно его лицо лишь в профиль.

Замираю, немного офигев. Потому что такие лица я видела только в рекламе. Или в кино. Резкие скулы, тёмные волосы падают на лоб. Он что-то говорит, потом усмехается – коротко, одним уголком губ. И от этой усмешки у меня почему-то сбивается дыхание.

Красивый. Слишком красивый.

Сразу злюсь на себя за эту мысль. Мне сейчас не до красивых парней. Мне ночевать негде.

Он поднимает с шеи бандану, ярко-салатовую, с белыми черепами, закрывая рот и нос. Потом надевает шлем, садится на мотоцикл. Кто-то даёт отмашку, и эндуро срываются с места.

Рёв моторов бьёт по ушам. Мотоциклы уходят на трассу – она петляет между старыми складами, уходит вниз к воде, потом обратно вверх. Опасная, с перепадами высот. Я вижу, как райдеры входят в повороты, как мотоциклы подбрасывает на кочках.

Тот парень – красивый – идёт вторым. Потом третьим. Потом резко вырывается вперёд.

Он едет так, будто родился на этом мотоцикле. Не видно никакого страха, никакой осторожности. Входит в очередной поворот под таким углом, что кажется – сейчас ляжет на бок. Но не ложится. Выравнивает, ускоряется, уходит в отрыв.

Толпа восторженно орёт. Ловлю себя на том, что тоже ору. И тоже болею за него, хотя понятия не имею, кто он такой.

Он финиширует первым. Скидывает шлем. Волосы мокрые от пота, прилипли ко лбу. Кто-то хлопает его по плечу, он отвечает коротко, почти не улыбаясь. Будто победа – это что-то обычное. Будто он и не сомневался.

Надменный, гад.

А потом он поворачивает голову и смотрит прямо на меня.

Пару секунд мы просто смотрим друг на друга. Я не отвожу взгляд. Он тоже. Потом он чуть приподнимает бровь. Не улыбается, нет. Просто... фиксирует, что я существую. И отворачивается.

Вот так. Посмотрел и забыл.

Меня почему-то это бесит.

Бесит, что он такой уверенный. Бесит, что красивый. Бесит, что ему явно плевать на рыжую девчонку в толпе.

Разворачиваюсь и иду обратно к бару. Надо проверить рюкзак.

Рюкзак на месте, под стойкой. Слава богу. Присаживаюсь рядом, делаю вид, что копаюсь в вещах. На самом деле просто пытаюсь собраться с мыслями.

Рядом две девчонки обсуждают заезд. Одна кивает в сторону того парня:

– Феликс опять первый. Как всегда.

– Ага. И, как всегда, один. Ни на кого не смотрит.

Феликс, значит...

– А он кто? – спрашиваю как можно безразличнее.

Девчонки поворачиваются ко мне. Смотрят так, будто я сказала что-то дикое.

– Ты чё, с луны свалилась? – одна из них даже смеётся. – Не знаешь Феликса? Он же друг Богдана.

Друг Богдана?

Я снова смотрю в его сторону. Он стоит у мотоцикла, пьёт воду. Общается с друзьями, улыбается вроде бы даже искренне.

Друг Богдана. Значит, может знать, где он. Куда уехал. Когда вернётся.

Значит, мне придётся с ним разговаривать. С этим наглым красавчиком, который смотрел на меня, как на пустое место.

Прекрасно...

Добро пожаловать в историю Феликса Егорова! Честно думала, что его история будет последней в этом цикле, но потом у меня появились планы на Степана Омарова, и вот Феликс выходит в люди, наконец не как второстепенный герой!

Устраивайтесь поудобнее нас ждёт огненное противостояние)

Книга участвует в литмобе «Заноза для Мажора»

<https://litnet.com/shrt/lx7b>

ГЛАВА 2. Бойся своих желаний.

Феликс

– Три дня, – говорит Богдан, не глядя на меня.

Мы стоим у его машины на краю парковки. Пирс гудит за спиной – музыка, голоса, чей-то смех. Обычный вечер на тринадцатом. Его вечер. Хотя в последнее время Богдан всё реже тут появляется.

Я стою, прислонившись к своему байку. Руки скрещены на груди. Смотрю, как он проверяет что-то в телефоне.

– В Воронеж? – спрашиваю.

– Ага. Варина мать хочет познакомиться официально. Мы едем вручить ей приглашение на свадьбу.

– Ууу. Романтика.

– Отвали, – он ухмыляется.

– Я серьёзно. Приглашение, мама невесты. Ты прям жених года.

Богдан качает головой, но угол его рта дёргается вверх. Он не умеет долго держать серьёзное лицо, когда речь идёт о Варе. Раньше умел. Раньше он вообще редко улыбался. А сейчас – вот так. Размяк.

Варя сидит в машине, что-то листает в телефоне. Через открытое окно видно, как она улыбается чему-то на экране.

Счастливая. Они оба сейчас такие – счастливые до тошноты.

Немного бесят даже.

Богдан хмурится, глядя в телефон, отходит от машины на пару шагов. Косится на Варю – она не смотрит на нас. Я иду за ним.

– Что? – спрашиваю.

– Связь, сука, где?.. – шипит, понизив голос. – Хотел тебе скинуть фотку. Короче... Завелась у меня фанатка одна. Назойливая. Звонит, пишет, фотки свои шлёт. Идиотка.

– Ну как бы ничего нового.

– Нет, сейчас такое не катит, – он многозначительно моргает в сторону Вари. – Я же, блять, дышу через раз, чтобы лишний раз не накосячить. А эта тёлка – какая-то неотшиваемая.

Варя опускает окно, высовывается.

– Богдан, мы едем?

– Едем, – он убирает телефон, поворачивается ко мне. – Если что – звони.

Садится в машину, заводит мотор. Смотрю, как они уезжают. Варя машет мне рукой через окно, я поднимаю свою в ответ. Богдан не оборачивается. Красные огни машины тают в темноте...

Музыка с пирса становится громче. Гонка через десять минут.

Иду к байку, сажусь, завожу. Мотор рычит, вибрация проходит по телу. Знакомое ощущение. Правильное. На трассе

всё просто. На трассе есть только скорость, повороты и адреналин. Там не надо думать вообще.

Гонку не помню.

То есть помню, конечно – повороты, рёв мотора, ветер в лицо. Помню, как вошёл в последний вираж под таким углом, что едва не лёг на бок. Помню, как пересёк финишную черту первым.

Но это всё на автомате. Тело помнит, голова – нет.

Снимаю шлем. Мокрые волосы прилипли ко лбу. Кто-то суёт мне бутылку воды, кто-то хлопает по спине. Киваю, не вслушиваясь в поздравления. Адреналин ещё гуляет по венам. Хочется продлить это ощущение.

Оглядываю толпу. Народ разбрёлся – кто к бару, кто к колонкам. Знакомые лица. Все знакомые. Никого нового.

И тут вижу её.

Рыжая. Стоит у ограждения, смотрит прямо на меня. Не так, как обычно смотрят девчонки после гонки – не с восторгом, не с желанием познакомиться. Смотрит... изучающе. Будто пытается понять, что я за тип.

Удачи, рыжая. Я сам не знаю.

Она точно новенькая, я бы запомнил.

Пару секунд мы просто смотрим друг на друга. Она не отводит взгляд. Я тоже. Упрямая. Это почему-то цепляет.

Отворачиваюсь первым, чтобы разжечь свой интерес.

Если взгляд поползёт к ней хотя бы ещё раз, значит, мне интересно.

Мне, вообще-то, редко бывает интересно. Девчонки все одинаковые. А уникальные почему-то с ходу падают в мою френдзону. Задолбало это зверски.

Иду к ребятам. Вирус уже тут – сидит на капоте тачки, ноутбук на коленях. Как обычно. Степан Омаров без ноутбука – это как я без байка. Неправильно.

– Я запиллил твой ебанутый финт, – говорит он, не отрывая глаз от ноута.

Смотрю на экран. Я вхожу в поворот, практически положив байк и почти цепляя коленом бетон. Эпичненько так. Зрелищно.

Вирус заливает видео в нашу группу. Обновляет страницу – плюс сто реакций. Ещё раз – плюс двести.

Паблик «Корпорация монстрофф» начинался как междусобойчик чисто для своих. Спустя какой-то год это уже бренд.

Амуниция, шлемаки для эндуро... Реклама в нашем паблике за нехилый гонорар.

Не то чтобы кто-то из нас нуждался сильно в бабках. Но эти бабки отличаются от тех, что лежат на счетах с самого рождения.

Я, Богдан, Апрель, братья Омаровы – наши семьи богатейшие в Ривьера-сити.

Жизнь, короче, в кайф. Но порой мне скучно.

Пальцы Вируса опять летают по клавишам – быстро, уверенно. Я даже не спрашиваю, что он там делает. Всё равно

не пойму. Вирус живёт в своём мире, где всё состоит из кода и данных. Мы туда не приглашены.

Взгляд сам ползёт по пирсу. И находит её. Рыжая пробирается сквозь плотную толпу и явно кого-то ищет.

– Эй, – говорю Вирусу, – ты её знаешь?

Он поднимает голову, щурится в ту сторону, куда я киваю.

– Первый раз вижу. Мне её пробить?

– Нет...

Она подходит к нам. Останавливается в метре от меня. Руки в карманах коротких шорт, подбородок вздёрнут. Смотрит так, будто я ей что-то должен.

– Ты знаешь Богдана Монстрова? – спрашивает она.

Так... Неужто та самая фанатка пожаловала?

Скольжу взглядом по её лицу и фигурке. Ну... красивая, да. Богдан правильно дёргается. Не потому, что может клюнуть на девицу, а потому, что такая может наворотить целый ворох проблем.

– Допустим, знаю, – отвечаю я.

– Мне нужно его найти, – она подаётся немного ближе.

– Зачем?

– Это моё дело, – отрезает рыжая.

Её волосы треплет ветерок, глаза злые, колючие. Веснушки на носу.

Красивая, экзотичная даже. Но и таких тут каждый вечер пачками.

– Слушай, – говорю я медленно, растягивая слова. – Тебе

с Богданом ловить нечего. Он занят. Во всех смыслах. Топай своими ножками отсюда.

Она вскидывает подбородок ещё выше. Если это вообще возможно.

– Это почему?

– Потому что тебе ничего не светит, – я пожимаю плечами.

– А с кем светит? – она щурится, в голосе появляется яд.

– С тобой, что ли?

Вирус за моей спиной тихо хмыкает.

– Нет, рыжая. Точно не со мной.

– Да уж, – она криво усмехается. – Лучше с первым встречным, чем с тобой.

Резко разворачивается и уходит, виляя пятой точкой.

– Бойся своих желаний, детка, – говорю ей вслед.

Не оборачивается. Рыжая макушка мелькает в толпе и пропадает.

– Не узнаю тебя, брат, – выдаёт Вирус. – Ты на новенькую не клюнул? Или тебя после Вари так отряхнуло?

– Да пошёл ты, – скалюсь в ответ.

Я и моя сраная френдзона – больше добавить нечего.

Варя угодила туда. И эта девица тоже не по мою душу.

Закуриваю. Про рыжую забыл уже.

Нет, не забыл.

Сам не понимаю, почему взгляд снова цепляется за рыжую макушку. Она у бара. Рядом какой-то парень – Эдик,

кажется, из местных. Наливает ей что-то. Она выпивает и смеётся – громко, резко. Наигранно.

Идиотка... Реально с первым встречным? Серьёзно?

– Чего ты на неё уставился? – спрашивает Вирус, не отрываясь от экрана. – Иди лучше, замути.

– Не, я пас. У этой явно что-то с головешкой не то.

– Такие самые горячие, – угораёт Степан.

Ну, может быть.

Пытаюсь не смотреть в её сторону.

Смотрю.

Эдик уже стоит ближе к ней. Рука на её плече. Она не отодвигается. Пьёт ещё. И ещё.

Что он ей наливает?

Не моё дело.

Проходит полчаса. Может, больше. Снова ищу её взглядом. Машинально.

Её нет.

И Эдика тоже.

Внутри что-то неприятно скребёт.

Но она сама напросилась. Сама захотела «первого встречного». Я её предупредил. Не моё дело.

– Ты куда? – спрашивает Вирус, когда я встаю.

– Надо мне.

Иду к складам. Там темно, только отсвет от пирса – тусклый, еле видно.

Нахожу их за дальним контейнером. Она сидит на ка-

ком-то ящике. Голова запрокинута, глаза полузакрыты. Тело обмякшее. Эдик рядом – одна рука у неё на бедре, вторая лежит под футболку. Она не сопротивляется. Словно не может.

– Эд, – мой голос звучит глухо в темноте.

Он оборачивается. Видит меня – и лицо меняется.

– Феликс? – он выпрямляется. – Ты чего тут?

– Убери от неё руки.

– Да ладно тебе, – он ухмыляется, но в глазах мелькает что-то нервное. – Она сама пришла. Сама хотела.

– Убери руки, – повторяю я, делая шаг вперёд. – Пока я тебе их нахер не вырвал.

Он смотрит уже настороженно, отступает от неё.

– Забирай, – выплёвывает, набычившись. – Мне не упёрлось.

Когда проходит мимо меня, сталкиваемся взглядами. Но он быстро отводит свой. А рыжая смотрит на меня мутными глазами, пытаюсь что-то сказать. Губы шевелятся, но слова еле слышно.

– Ты... зачем...

– Вставай, – говорю я.

– Не хочу... – она мотает головой, и её ведёт в сторону.

Тяну её за руку. Она почти не держится на ногах. Заваливается на меня, пальцы цепляются за куртку.

– Ты идиотка, – говорю я, удерживая её. – Знаешь об этом?

– Сам... идиот... – бормочет мне в плечо.

Даже сейчас огрызается.

Поднимаю её на руки и несу к байку. Она лёгкая как пушинка, доверчиво утыкается лицом в моё плечо.

Вот в таком состоянии и будь, колючка. Просто помолчи, пока я думаю, какого хрена делаю.

Подхожу к байку, оцениваю варианты поездки.

Перевожу взгляд на тачку Вируса. Но его рядом нет. Тачка есть, а Степана нет. Уже отжигает где-то.

И больше никого из братьев в этот вечер тут нет. Все с девчонками своими.

Снова смотрю на байк, прижимая свою ношу к груди. Так, попробуем.

Сзади она сидеть не может. Заваливается, не держится. Снова пробую усадить – бесполезно.

– Ладно, – говорю сам себе. – Значит, так.

Сажаю спереди, лицом ко мне. Её ноги по бокам, руки на моих плечах, голова падает мне на грудь. Трогаюсь.

– Держись, – говорю я.

– Держусь... – бормочет она.

Не держится.

Одной рукой веду, второй прижимаю её к себе. Еду медленно. Впервые в жизни – медленно. Каждый поворот – осторожно.

Она тёплая. Дышит мне в шею. Рыжие волосы лезут в лицо.

Бесит, вообще-то.

На кой чёрт мне фанатка Богдана? Поразвlechься?

Ну как вариант...

Доезжаю до дома. Паркуюсь, снимаю её с байка. Она уже отключилась почти – глаза закрыты, дыхание ровное. Только пальцы всё ещё цепляются за куртку.

Беру на руки. Лёгкая. Слишком лёгкая для того количества дерзости, которое она выдала мне сегодня.

Миную подъезд, лифт. Открываю дверь, заносу в квартиру. Уложив девчонку на кровать, вглядываюсь в её лицо.

– Эй, ты как?

Она поворачивается набок, ёрзает щекой по подушке, улыбается даже. Потом её рука тянется вверх, пальцы находят мою футболку. Тянет к себе, не открывая глаз, и бормочет:

– Не уходи...

Смотрю на неё. На веснушки, на приоткрытые губы, на пальцы, которые всё ещё держат мою футболку. Она не в себе. Вообще не соображает.

Но пальцы у неё тёплые.

И она тянет меня к себе.

Хочу познакомить вас со второй историей нашего моба

Риша Вольная - Мажор. Не трогай, если боишься

<https://litnet.com/shrt/llyq>

ГЛАВА 3. Вся моя жизнь исчезла.

Сегодня мы с Феликсом просим закидать нас немного звёздочками для вдохновения)

Лиза

Всё.

У нас было всё.

Слова бьют по голове, и без того раскалывающейся от боли. Смотрю на него – на мокрые волосы, на капли воды на плечах, на это чёртово полотенце на бёдрах – и пытаюсь понять, шутит он или нет.

Непохоже, что шутит.

– Ты врёшь, – говорю я.

Голос хриплый, чужой. Во рту пересохло, язык еле ворочается.

Он приподнимает бровь. Всё с той же ленивой усмешкой, от которой хочется запустить в него подушкой. Или чем-то потяжелее.

– Зачем мне врать, рыжая?

– Не называй меня так.

– А как называть? – он делает шаг, подходя ближе. – Ты вчера не представилась. Была занята... другим.

Меня передёргивает. Он это замечает – и ухмылка стано-

вится шире.

Сволочь.

Сволочь, сволочь, сволочь!

Натягиваю одеяло до подбородка, хотя это глупо. Если он говорит правду, то уже видел всё. Всё, что я берегла восемнадцать лет.

Нет. Не верю. Не могу поверить.

Пытаюсь вспомнить хоть что-то. Пляж, эндуро, музыка... Его лицо в толпе – смотрит на меня, как на пустое место. Потом я подошла к нему, спросила про Богдана. Он нахамил. Я ответила что-то про «первого встречного»...

А дальше – чернота.

– Я ничего не помню, – говорю вслух.

– Бывает, – он пожимает плечами. – Ты много выпила.

– Я вообще не пью.

– Вчера пила. И неплохо так.

Он подходит к шкафу, роется там, достаёт какие-то вещи.

– Оделась бы. Или тебе нравится лежать голышом в моей постели?

Щёки обжигает. От стыда, от злости, от желания ответить чем-то ядовитым. Но, кажется, вместе с девственностью этой ночью я растеряла весь свой запас ехидных и хлёстких слов.

– Где моя одежда? – цежу сквозь зубы.

Он кивает куда-то в угол. Поворачиваю голову – там, на стуле, мои вещи. Шорты, майка, бельё. Всё аккуратно сложено.

Кто их снял? Он?

– Отвернись.

– Серьёзно? – он хмыкает. – После вчерашнего?

Да я убью его сейчас!

– Отвернись!

Он неторопливо достаёт свою одежду, бросает на край кровати, берётся за полотенце на бёдрах.

Ой, нет, нет, нет...

Отвернувшись, зажимаюсь. И слышу смешок.

– Ну... ночью ты такой недотрогой не была.

Мысли о том, какой я могла быть этой ночью, въедливо крутятся под черепной коробкой.

Что я делала? Неужели всё настолько плохо было?

– Можешь одеваться, я отвернулся, – говорит этот тип.

Бросаю на него взгляд. И правда, стоит спиной, полотенце всё ещё на бёдрах. На лопатках татуировки. А чуть выше какие-то полосы, как будто от... ногтей?

Вот теперь мне становится по-настоящему дурно.

Это я оставила? Ведь я, да?

Господи...

– Ну? – бросает он требовательно, подгоняя меня.

– Мог бы просто выйти, – отвечаю глухо.

Выбираюсь из постели. Ноги подкашиваются, голова кружится. Хватаюсь за спинку кровати, чтобы не упасть. И тщательно прислушиваюсь к себе.

Тело болит. Но как именно болит? От алкоголя? От че-

го-то другого?

Пытаюсь понять – и не могу. Всё ноет, всё паршиво. Голова раскалывается, желудок крутит, во рту привкус чего-то мерзкого. Но там, внизу...

Не знаю. Не могу разобрать.

Должно же быть больно, если первый раз? Должно ведь что-то чувствоваться?

Или нет?

Я почти ничего об этом не знаю. Только то, что читала в интернете. А там пишут разное.

Срываю с себя его футболку. Быстро натягиваю бельё, потом шорты, майку. Руки трясутся. Пальцы не слушаются. Пуговица на шортах никак не хочет застёгиваться.

За спиной слышу шорох одежды, он тоже одевается.

Наконец справившись с пуговицей, выпрямляюсь.

– Можешь повернуться.

Он уже в джинсах, натягивает футболку. Поворачивается и смотрит на меня оценивающе.

– Бледная. Воды?

– Пошёл ты! – не выдерживаю.

– Это «нет» или «да»? – уточняет насмешливо.

Ничего не отвечая, оглядываю комнату – большая, светлая, минималистичная. Серые стены, тёмная мебель, огромное окно. За окном – небо, крыши домов и где-то вдалеке полоска моря. Высоко. Этаж девятый, может, и выше.

Дорого тут всё. Но это и так понятно, ведь этот Феликс

мажор обыкновенный.

– Мне нужна ванная.

– Прошу, – театрально расшаркивается, показывая направление.

Выхожу в коридор и забегаю за заветную дверь. А спустя пять минут, когда плещу в лицо блаженной водичкой, меня осеняет.

А где мой рюкзак?

Сердце ухает вниз. Вылетаю из ванной, забегаю обратно в спальню.

– Мой рюкзак, – говорю вслух. – Где мой рюкзак?

Феликс поднимает брови.

– Какой рюкзак?

– Чёрный, большой. Я пришла с ним на пирс.

– Понятия не имею. Ты была без рюкзака.

Нет-нет-нет! Там же всё! Вся моя жизнь!

Документы, одежда... И фотография. Единственная фотография мамы.

– С тобой был только телефон, – показывает подбородком на тумбочку у кровати.

Метнувшись к тумбочке, хватаю свой смартфон. Но это было слишком быстро для этого утра. Оседаю на кровать, на секунду зажимаюсь.

– Это ведь не просто алкоголь был, да? – бормочу себе под нос.

Голос Феликса гремит рядом:

– А это тебе надо было у Эдика уточнять!

– Какого Эдика? – вскидываю голову.

– Того самого «первого встречного».

Да боже! Ещё и Эдик какой-то был!

Проверяю телефон, он разряжен.

– Мне нужно на пирс, – медленно поднимаюсь с кровати.

Сегодня лучше всё делать медленно, иначе потеряю сознание.

– Зачем тебе на пирс? – хмурится Феликс.

– Мой рюкзак там. Я оставила его у бара.

Он хмыкает.

– Если он там был ночью – его уже точно нет. Так что расслабься.

От пренебрежения в его голосе, безразличия даже, глаза начинает жечь от слёз. Но я не даю им пролиться.

– Это ты меня сюда притащил! – взрываюсь я. – Если бы не ты, я бы...

– Что? – перебивает он, и в тоне появляется что-то жёсткое. – Проснулась бы за складами с Эдиком? Отличный план.

– Г-где? – заикаюсь.

– Неважно.

– Важно!

– Эдик увёл тебя подальше от людей, за склады. Ты ничего не соображала. Я вмешался. Пожалуйста, кстати.

Внутри холодеет. Но я не собираюсь говорить ему «спасибо». Не после того, что он сделал этой ночью. Вмешался он...

Вы посмотрите, какой рыцарь! Эдику, значит, нельзя было, а ему можно?

– Мне нужно на пирс, – повторяю упрямо.

– Пешком? Ты еле стоишь.

– Тогда отвези.

Он качает головой, брови недовольно сведены к переносице.

– Там ничего нет. Поверь.

– Я должна проверить сама.

– Лиза... – осекается.

А я подхожу к нему.

– Откуда ты знаешь моё имя?

Феликс усмехается.

– Ты всё-таки сказала ночью, – подмигивает. – Вообще много болтала. В перерывах между стонами.

Отшатываюсь.

Все пазлы, которые у меня есть, складываются в омерзительную картинку.

Я под чем-то, в его постели, болтаю без умолку, называю своё имя, царапаю ему спину. Ах да, ещё и стоны.

Боже...

Мне надо немедленно уйти отсюда.

– Отвези меня, – говорю тихо. – Пожалуйста.

Последнее слово даётся с трудом. Но выбора нет.

Феликс вздыхает.

– Ладно. Пойдём.

Выходим из квартиры. Коридор, лифт. Молча едем вниз. Он смотрит в телефон, я – в стену.

У нас было всё.

Нет. Не верю. Не хочу верить.

Выходим из подъезда. Солнце бьёт в глаза, я щурюсь. Он идёт к белой Ауди, припаркованной у тротуара. Пикает брелком. Сажусь на пассажирское, пристёгиваюсь.

– Давай телефон, – говорит он.

– Зачем?

Феликс закатывает глаза.

– На зарядку поставлю.

Достаю телефон из кармана, отдаю. Он втыкает провод, кладёт в подстаканник. Экран мёртвый – даже значок зарядки не появляется. Сдох окончательно.

Феликс заводит мотор, выезжает на дорогу.

Молчим.

Город за окном яркий, летний. Люди идут по своим делам, болтают, смеются. Обычный день. А у меня внутри – хаос.

Подъезжаем к пирсу. Днём он выглядит иначе – пустой, тихий. Бетон, старые склады, мусор после вчерашней тусовки.

Выхожу из машины, не дожидаясь его. Иду к бару – к тому месту, где оставила рюкзак. Его нет.

Пустые ящики, пластиковые стаканы, окурки. И никакого рюкзака.

Опускаюсь на корточки, заглядываю под стойку. Пусто.

Нет-нет-нет...

– Говорил же, – его голос сзади.

– Тут парень стоял за баром, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – В футболке с какой-то надписью. Может, он видел?

– Макс Рогов, – отзывается Феликс.

Оборачиваюсь.

– Ты его знаешь?

– Знаю.

– Позвони ему.

Он достаёт телефон, набирает номер и ждёт. Потом опускает руку.

– Не берёт.

– Позвони ещё раз!

– Лиза, он не берёт. Может, спит. Или телефон сдох.

– Ещё раз, – складываю ладони у груди. – Пожалуйста!

Что-то меняется в его лице – совсем чуть-чуть.

– Что такого важного в этом рюкзаке?

– Моя жизнь, – выдыхаю коротко.

– Конкретнее.

– Не твоё дело.

Он хмыкает. Но всё-таки набирает снова. Ждёт. Качает головой.

– Напишу ему. Как ответит – скажу.

Это всё? Это всё, что он может сделать?

Стою посреди пустого пирса и понимаю, что у меня ни-

чего нет. Документы – в рюкзаке. Одежда – в рюкзаке. Фотография мамы – в рюкзаке. Единственное, что осталось от неё. Маленькая, потёртая, в кармашке.

Мама умерла, когда ей было семнадцать. При родах. И теперь у меня нет даже её фотографии.

– Тебе есть, кому позвонить? – спрашивает Феликс.

Да. Есть.

Сорвавшись с места, бегу к машине. Распахиваю дверь, плюхаюсь на сиденье и хватаю телефон. Экран светится – ожил наконец. Зарядка показывает семь процентов.

Врубаю телефон, жду, когда загрузится. И тут начинается...

Феликс садится за руль. Тем временем телефон в моей руке без конца вибрирует уведомлениями. Пропущенные сыплются один за другим. Бабушка – двадцать семь звонков. Виктор Иванович – четырнадцать. Снова бабушка. Снова Виктор Иванович. Смски.

А Богдан не перезванивал...

Феликс присвистывает.

– Да ты просто нарасхват, рыжая.

– Отстань, – отмахиваюсь.

Проигнорировав все уведомления, открываю контакты и набираю Богдана.

«Абонент временно недоступен».

– Да чёрт подери! – вырывается у меня. – Что у него с телефоном?

– У кого? – Феликс пытается заглянуть в экран.

– У Богдана.

Он сжимает пальцами переносицу.

– Твою ж мать... – морщится, как от боли, а потом рывкает, тыча в меня пальцем: — Ты, походу, реально помешана на Монстрове! Я тебе вчера недоступно, что ли, объяснил? Он занят! У него невеста! Тебе там ничего не светит.

Открываю рот, чтобы сказать ему, кто для меня Богдан. Чтобы он подавился нафиг своими словами. Чтобы... И тут вижу машину. Чёрный Мерседес. Знакомый до тошноты. Он медленно едет вдоль пирса.

Виктор Иванович.

Быстро сползаю с сиденья и прячусь под бардачком. Как я туда умещаюсь – непонятно. Сердце колотится так, что кажется, его можно услышать снаружи машины.

– Какого... – начинает Феликс.

– Поехали! – шиплю снизу. – Быстро!

Он не двигается, глядя на меня сверху вниз. На его лице никакого удивления, только холодный интерес.

– Нет, – говорит он, скрещивая руки на груди и откидываясь на спинку кресла. – Пока не скажешь, что происходит, не сдвинусь с места.

И ещё одна история нашего моба!

От Юлии Прим

Мажор против полчища радужных единорогов

<https://litnet.com/shrt/Hz-p>

ГЛАВА 4. Колючка

Феликс

Огромные зелёные глаза смотрят на меня снизу вверх. С надеждой. И вместе с тем я вижу в них злобные искры. Вот если сейчас не сделаю так, как она хочет, наверняка могу и огрести.

Хм. Интересная ты девочка, Лиза.

Но я завязал с чужими девицами.

По Богдану сохнешь? Ок, сохни дальше.

– Я так понимаю, тебя ищут, – говорю ей, наблюдая за мерсом, ползущим вдоль пирса. – От кого сбежала, рыжая? От родителей?

– От бабушки. Она меня замуж хочет выдать, – вдруг признаётся она.

Возвращаю взгляд к её лицу, пристально рассматриваю. А она опять складывает ладони у груди и взмаливается:

– Ну пожалуйста, Феликс! Я не хочу возвращаться домой. Не хочу замуж за Сабурова!

– Сабурова? – дёргает меня. – Марка?

Покачив головой, выдыхает:

– За Филиппа.

Ещё, блять, лучше.

Фил Сабуров – младший сынок экс-мэра. Папаша, мож-

но сказать, прячет его от мира, потому что Фил психически нестабилен.

Мерин тем временем тормозит, и из него выходит какой-то мужик при костюмчике. Лет пятьдесят, может, больше. Осанка военная, спина прямая, взгляд цепкий.

– А это твой дедушка, что ли?

– Это Виктор Иванович, друг семьи, – шепчет Лиза. – Он уехал?

– Нет, – качаю головой. – Смотрит прямо на меня. Походу, сейчас подойдёт.

– Господи, Феликс! – взрывается она, правда, шёпотом. – Ну будь ты человеком, а! Ну что ты хочешь взамен? Скажи!

– Чтобы ты оставила в покое Богдана, – говорю, даже не задумываясь.

– Хорошо, оставлю.

Совсем неубедительно врёт, поэтому я не шевелюсь даже.

– Да боже! Я же сказала, что оставлю! – стонет она.

Ла-адно.

Завожу мотор, сдаю назад. Мужик в костюме непонимающе хмурится, так и продолжая идти вперёд. До меня ему несколько метров осталось. Увеличиваю расстояние между нами. Всё больше и больше. Потом выкручиваю руль, круто разворачиваюсь и жму на газ.

– Ай! – вскрикивает рыжая внизу.

Держится за голову, в глазах – слёзы и боль.

– Можешь вылезать.

Выбирается, пристёгивается, потирая макушку.

– Сильно ударилась, что ли? – кошусь на неё.

– Нет. Всё нормально, – бормочет недовольно.

Вот колючка, чёрт возьми. С такой миленькой внешне-
стью – и так жалит. Прямо какой-то парадокс, вашу мать.

– Тот парень, бармен, не перезванивал? – она нервно стучит пальцами по коленке. – Может, ещё раз наберёшь, а?

– Я же сказал, что написал ему.

– Ну он же необязательно должен тебе ответить, да? Может, ты его адрес знаешь? Давай к нему съездим.

Теперь её пальцы барабают по консоли между нами.

Не отводя взгляда от дороги и поглядывая по зеркалам, хватаю её руку и сжимаю на секунду прохладную ладонь. Меня буквально прошибает электрическим разрядом. Похо-
ду, рыжую тоже.

Отпустив её руку, чеканю:

– Угомонись, я тебя прошу!

Мы летим под сто пятьдесят. На хвосте у нас тот мерин.
А она со своим рюкзаком...

Наконец Лиза понимает, что я не просто так сосредото-
чен. Оборачивается, вглядывается...

– Да блин! – шмякает ладонью по консоли.

Так, рыжая, а машина моя при чём?

– Давай быстрее, – шипит на меня.

Перевожу на неё охреневший взгляд.

– Мы в городе.

– И что? Ну сверни куда-нибудь. Ты же на байке гоняешь, можешь и быстрее! Пожалуйста, Феликс! Я тебя умоляю, пожалуйста!

Слишком много и часто она меня умоляет.

А я зачем-то ведушь.

Когда появляется возможность, ухожу на параллельную дорогу. Мерин не успевает перестроиться, улетает вперёд. Я быстро разворачиваюсь и несусь в другую сторону.

Потом петляю по улицам. Рыжая, слава богу, помалкивает.

Через полчаса такой бешеной езды понимаю – ушли. Едем ко мне.

В квартире киваю в сторону кухни:

– Есть будешь?

– А ты умеешь готовить? – забавно прищуривается.

– Нет, – признаюсь я.

Открываю холодильник, достаю вчерашнюю пасту в контейнере, ставлю перед ней на стол, кидаю вилку.

– Еда из рестика. Ешь.

Она открывает контейнер, с сомнением принюхивается, но всё-таки начинает есть – сначала медленно, будто одолжение делает, потом быстрее.

Голодная. Но признаваться в этом, конечно, запаadlo.

Сажусь напротив. Волосы у неё спутанные, рыжие, на щеке красный след. Видимо, приложила о бардачок не только макушкой, когда я разворачивался. Веснушки рассыпью на

носу, глаза покрасневшие. Без косметики выглядит совсем мелкой, хотя вчера на пирсе казалась старше.

Она замечает мой взгляд, и вилка замирает на полпути ко рту.

– Что?

– Ничего.

Ещё пару минут жуёт, а потом вдруг выдаёт:

– А может, Богдан номер сменил? Мы с ним давно не разговаривали.

Закатываю глаза.

– Ты же обещала.

– Я просто рассуждаю. Набери ему сам, а? Со своего.

У меня начинает подгорать уже. Я её прелестную попку спасаю, а она заладила: «Богдан, Богдан». Дёрнув головой и хрустнув позвонками, откидываюсь на спинку стула.

– Слушай, Лиза! Внимательно слушай, – буравлю её лицо взглядом. – Он сейчас в Воронце, со своей невестой. А ты для него – просто очередная надоедливая фанатка.

– А ты придурок, – говорит тихо, почти шипит. – Богдан – мой дядя.

Усмехаюсь.

– А мне он троюродная бабушка.

– Дядя, – повторяет она. – Двоюродный. Мы пять лет не виделись, потому что бабушка запретила нам общаться. Но он – моя семья. Единственная нормальная семья, которая у меня есть. Набери его сам и спроси, раз не веришь.

И есть что-то такое в её тоне, заставляющее меня сомневаться... Сомневаться в собственных выводах на её счёт.

Беру телефон, набираю Богдану. Он отвечает сразу.

– Феликс, что-то срочное? Мне немного неудобно сейчас.

– Как бы да. Удели минуту. Вопрос, может, тупой, но... У тебя есть племянница? Рыжая такая?

В трубке – тишина...

Ещё одна новинка нашего моба от Киры Хо
Ложный статус в отношениях

<https://litnet.com/shrt/KUR8>

ГЛАВА 5. Три дня с колючкой.

Феликс

В трубке – тишина.

Рыжая стоит напротив, вцепившись в край стола и всем телом подавшись ко мне. Глаза огромные, ждущие.

– Богдан? Ты здесь вообще? – говорю в телефон.

– Феликс, – голос у Богдана странный, напряжённый, – ты сейчас о чём вообще?

– О твоей племяннице. У тебя есть племянница или нет?

– Давай ближе к теме. Что случилось?

Та-ак... Мне кажется, или он уходит от ответа?

– Да тут одна рыжая утверждает, что она – твоя племянница.

– Тут – это где?

– В моей квартире.

Лиза вскакивает, тянется к телефону. Отвожу её руку, отрицательно качнув головой. Она не отходит, стоит рядом, пытаюсь услышать хоть что-то из нашего разговора.

– Как её зовут? – Богдан уже не просто спрашивает, он требует.

– Лизой представилась.

– Какого чёрта она делает в твоей квартире?! – взрывается он.

Взрывается, блять!

А я чё-то не понял... Мы с ним всю жизнь знакомы. И ни разу он не упоминал свою племянницу.

Рыжая хватает меня за запястье, сжимает.

– Дай мне трубку! Дай мне поговорить с Богданом!

– Это она? – спрашивает Богдан. – Феликс, дай ей телефон. Сейчас же.

Да чтоб вас!

– Даю, – роняю Богдану и протягиваю телефон Лизе.

Она выхватывает, прижимает к уху и выдыхает:

– Богдан, это я... Подожди... Я сейчас всё объясню.

Тараторя что-то, быстро выбегает из кухни. Двигаюсь за ней. Она заходит в гостиную, подходит к окну.

– Я сбежала, Богдан. Не могу так больше. Она меня душит. Знаешь, что она решила...

Замолкает. Богдан, видимо, что-то ей втирает. Но я ни черта не слышу.

Лиза оборачивается и видит меня. Злобно зыркнув, обходит меня по дуге и вылетает из гостиной.

Типа у них разговор не для моих ушей?

Но я всё равно иду следом.

Родственница, значит... Моего лучшего друга!

Вот это косяк... Большой такой косяк. Неисправляемый.

Слышу, как она вновь тараторит, стоя уже у окна спальни:

– Она за Сабурова меня хочет выдать! За Фила. Того самого Фила, понимаешь?... Нет, и что ты мне предлагаешь? –

выплёвывает раздражённо. – Что?.. Да я тебя искала! А нашла...

Оборачивается. Я стою в дверях, подпирая косяк плечом и глядя на неё.

– ... а нашла твоего друга. На пирсе, – заканчивает она ядовитым тоном.

Мать вашу!

Сейчас что-то будет.

Качаю головой, безмолвно прося её молчать. Она тоже упрямо качает головой. Мол, сейчас всё ему расскажу.

Зараза!

Подхожу ближе. И ещё ближе. Лиза прищуривается.

– Богдан тут спрашивает: ты меня в гости пригласил? Или как я к тебе попала? – пропевает язвительно.

И не успевает среагировать, когда я выхватываю телефон из её руки.

– Эй!

Зажимаю ей рот рукой.

– Богдан, ты просто скажи, куда мне деть твою родственницу... С кучей, мать его, проблем! – теперь взрывает и меня, потому что рыжая укусила меня за палец.

– Что она у тебя делает? – чеканит он.

– Ничего. Подобрал её на пирсе, когда она напилась. Теперь вот думаю, нахера я это сделал?

Быстро иду на кухню и захлопываю дверь перед носом Лизы. Она начинает тарабанить по ней ладонями, кричит там

что-то.

– Ты можешь нормально объяснить, Феликс?

– Могу. Она потеряла на пирсе рюкзак, мы съездили – не нашли его. Но её саму тоже ищут. Какой-то мужик, походу, военный, заметил нас на пирсе и преследовал по всему городу. А теперь ты мне объясни, почему я о Лизе узнал вот так и почему ни разу не слышал о ней от тебя?

– Потому что.

Ну заебись ответ.

– Короче. Пусть у тебя остаётся, – говорит он вдруг. – Я вернусь, сниму ей квартиру. В общем, мы сами разберёмся.

Нет, так дело не пойдёт.

– Давай-ка, лучше я сам сниму ей квартиру.

– С ней рядом надо быть, – теперь его голос звучит немного подавленно. – Она же тепличное растение.

Она тепличная?

Ошарашенно смотрю на кухонную дверь, которую Лиза сейчас, походу, вынесет. Что-то я не заметил, что эта девчонка выросла в тепличных условиях...

– ... Бабка её шагу ей не давала ступить, – продолжает Богдан. – Потому что Лиза может что-то отчудить.

А вот это похоже на правду. Несамостоятельная и бедовая.

Как же мне повезло, вашу мать!

– Богдан, я не буду её нянькой, – говорю твёрдо. – И се-кьюрити тоже.

– Да хорош, брат. Она мне правда очень дорога. Три дня всего. Потом я приеду и заберу её.

Чёрт!

«Не фанатка Монстрова», – напоминает мне внутренний голос.

Да как так-то?!

– То есть ты не планируешь возвращать её домой? – уточняю я.

– Не планирую, – выдыхает глухо. – Слушай... Она хорошая девчонка. Это её бабка ненормальная, спрятала Лизу от всех родственников. От Монстровых, в частности. Но это семейный конфликт, тебя не касается. Ты просто пригляди за ней три дня, и всё.

– Ладно.

Ответ вылетает прежде, чем я успеваю себя заткнуть.

Ладно?

Просто, блять, ладно?

За дверью – тишина, Лиза, походу, выдохлась.

– Тачкой пока не пользуйся. Отгони куда-нибудь, – продолжает Богдан, явно не собираясь рассыпаться в благодарностях. – Если тот тип вас преследовал, мог уже пробить по номерам, установить владельца.

– И что это ему даст?

– Будет знать твою личность. Хата на ком?

– На отце.

– Уже лучше. А тачка?

– На мне. Прописан я у родителей.

Богдан тихо матерится.

– Короче. При любом раскладе очень скоро все указатели приведут их ко мне. А бабка Лизы меня ненавидит.

– За что?

Богдан усмехается:

– За моё врождённое обаяние.

Понятно, не скажет.

А вообще, интересный вырисовывается расклад с этой Лизой. И в этом раскладе всё больше и больше людей становится соучастниками её побега. Например, мои предки.

Понятно, что они вряд ли пострадают от моих решений, принятых в моменте: забрать рыжую с собой и удрать от того типа. Но всё же... Зачем отцу такие головняки?

– Почему она вообще с бабушкой живёт? Где родители? – спрашиваю у Богдана.

– Отца нет. Её мать родила Лизу в семнадцать и оставила в роддоме. А сама исчезла в неизвестном направлении. Бабка Лизу забрала и воспитывала как дочь, читай – как свою собственность. Свою дочь, мать Лизы, она тоже задраконила. Поэтому та и дала дёру.

Получается, и Лиза тоже дала дёру. Какая отработанная схема у бабули, прям смешно.

– Дай мне с Лизой поговорить, – просит Богдан.

– Перезвони через пару минут. Она в туалете, – вру без зазрения совести.

– Ладно, перезвоню... И, Феликс, даже не думай смотреть на неё, как на кусок мяса. Она не та девчонка, к которой можно подкатить яйца.

Фыркаю.

– Я лучше свои яйца буду держать при себе.

– Вот и отлично.

Он скидывает. Обречённо разглядываю потолок, запрокинув голову.

Бля...

Выхожу в коридор, Лиза сидит у стены, смотрит на меня исподлобья. Сползаю рядом на пол, протягиваю ей телефон.

– Он сейчас перезвонит. И я очень не советую тебе вдаваться в подробности нашего знакомства. Потому что тогда я лично отвезу тебя к бабушке. Поняла?

Её ноздри злобно подрагивают. Забирает телефон и вскакивает.

– Лиза.

– Что? – резко оборачивается.

– Я согласился тебе помочь только потому, что меня друг попросил. Не питай никаких иллюзий. Поживёшь у меня три дня, потом прощаемся.

– Как бы выдержать эти три дня, – бросает она и улепётывает в спальню.

Вот тут ты права, колючка.

Как?

Вижу, как забирается на кровать с ногами и сканирует

взглядом телефон. Богдан наконец перезванивает.

– Да, Богдан... Да, я поняла. Конечно, поблагодарю Феликса. Он был так добр. Так помог мне.

Не сказала...

ГЛАВА 6. Мы не друзья.

Лиза

Самовлюблённый говнюк!

Иллюзий я не должна питать... Это он о чём? Что я должна броситься к его ногам? Как все остальные? Как целое стадо девиц, которые наверняка виснут на его шее?

На шею Богдана тоже вешались. Но он, оказывается, жёститься собрался. Получается, выбрал «ту самую». А этот Феликс, очевидно, выбирает собственную свободу.

И плевать.

– Слышь, Кострище, ты хорошо всё обдумала? – голос Богдан в трубке. – Может быть, не стоило так кардинально?

– Тебе напомнить, как моя бабушка очень кардинально разорвала отношения со своей сестрой? И меня заставила.

– Ладно, не напоминай, – бормочет Богдан. – Я приеду, и будем что-то думать. Сейчас реально не могу, – тон у него извиняющийся.

– Богдан, всё нормально, – поспешно заверяю его. – У тебя своя жизнь... Невеста вон... Мне Феликс сказал, – злобно зыркаю на парня, так и сидящего на полу в коридоре.

Он не уходит. Видимо, контролирует то, что я говорю.

Да не скажу я ничего про... нас.

Меня пробирает озноб, когда вдруг понимаю, что сижу на его кровати. Где было «всё». Поднимаюсь, встаю возле окна, к Феликсу спиной. Богдан тем временем говорит про Варю, про планы, про свадьбу. У меня сердце сжимается. Не от ревности, не от боли. Я просто так рада за него!

– В общем, скажи Феликсу, чтобы одежду тебе купил, – начинает командовать Богдан. – Хотя нет, лучше не высывайтесь. Закажи, я оплачу.

– Может, мой рюкзак найдётся, – вздыхаю я.

– Может... Лиз, ты там с Феликсом границы держи, – говорит он настороженным тоном. – Если что, я ему голову откручу.

– Вот прям открутишь? – расплываюсь в улыбке, оборачиваясь.

Феликса нет в коридоре.

Сдуваюсь.

– Прям откручу.

– Отлично. Но я и сама могу.

Богдан смеётся.

– Я и не сомневаюсь, Кострище.

В детстве он называл меня Фитилёк. Потом я стала Костром, Кострищем. По фамилии – Кострова. Но, кажется, я уже не так ярко горю после пяти лет практически заточения во владениях бабули, под гнётом её давления. И не так больно обжигая.

Попрощавшись с Богданом, иду искать Феликса. Он в го-

стиной, валяется перед телевизором, щёлкая каналы. Я бросаю телефон ему на живот и забираюсь с ногами в кресло. Сказываю на парня глаза.

– Богдан сказал, что тебя убьёт, если что...

– Не убьёт, – лениво тянет слова. – Ты же ничего не скажешь.

– Богдан сказал, что ты оплатишь мне новые вещи, раз уж я потеряла свой рюкзак.

– Ага. Что-то ещё?

– Да. Я буду спать в спальне. Мне нужно новое постельное бельё.

– Угу. Я записываю. Продолжай, не стесняйся, Лиза.

Не стесняться? Ну хорошо.

– Та-ак... Что там ещё было?.. – задумчиво смотрю в потолок. – Ну обувь, само собой, надо купить. И новую сим-карту. Свой телефон я отключила.

– А вот это правильно, – бормочет Феликс, что-то проверяя в своём смартфоне. И внезапно говорит: – Макс ответил. Твой рюкзак он не брал, но видел, как его забирала какая-то девчонка.

Подаюсь вперёд, сжимая кулаки.

– Какая ещё девчонка?

Феликс поднимает на меня взгляд.

– Ну, допустим, Макс сможет описать её. И что? Что там такого важного? Документы?

– Да!

– Их можно восстановить. Или ты сбежала от бабушки с миллиардами и додумалась оставить их в рюкзаке? – вновь издевается этот гад.

– Там нет денег. Но там есть кое-что важное. От мамы, – на последнем слове голос предательски хрипнет.

Феликс затыкается, вновь что-то делает в телефоне. Потом выдаёт:

– Макс её описал. Сейчас скину Вирусу, пусть ищет на фотках, на видосах. Он это умеет. К вечеру у нас будет её соцсеть. Надеюсь.

Я ничего не поняла. Какому Вирусу? Что он там умеет? Хотя это неважно.

Выжимаю из себя «спасибо». Феликс не отвечает. Я сижу неподвижно, он так же неподвижно лежит. Только теперь смотрит не на экран телевизора, и не в телефон. Он смотрит на меня. Сейчас прям дырку прожжёт.

Взгляд странный, изучающий.

– Что? – не выдерживаю я.

– Да про твою маму, – говорит внезапно. – Богдан сказал. Мне жаль.

Вот только жалости мне твоей не надо!

Вскакиваю и направляюсь в ванную. По дороге выкрикиваю:

– Мы не друзья, чтобы говорить про мою покойную мать! Запираюсь в ванной.

Мы – не друзья. Ты – парень, который меня трах...

Господи, как это паршиво звучит...

Он сделал это! А теперь помогает, потому что Богдан попросил. А потом мы попросаемся, и всё!

Умываюсь, потом разглядываю полочки над раковиной возле зеркала. Феликс явно предпочитает минимализм, и тут полный порядок, ничего лишнего: паста, электрическая зубная щётка, жидкое мыло. На противоположной стене – встроенный шкаф, внутри – полотенца стопками, гель для душа. Под шкафом – стиралка. А ещё тут есть большая душевая кабина, которую можно использовать как ванну.

Набираю воду, наливаю в неё гель для душа для пенки. Уже начинаю снимать майку, когда слышу стук в дверь.

– Что? – спрашиваю, не открывая.

– Твоя мама умерла?

Господи... Я же сказала! И какое ему дело?

– Да.

– Ты уверена? – задаёт очевидно глупый вопрос.

Сердито распахнув дверь, смотрю Феликсу в глаза. Они у него тёмно-зелёные, яркие. И я понятия не имею, зачем отмечаю это.

– Да, я уверена, Феликс. Она умерла при родах, ей было семнадцать. Всё? Допрос окончен?

Его лицо изумлённо вытягивается. Взгляд становится расфокусированным на мгновение, а потом он качает головой и отступает.

– Да. Больше нет вопросов.

Следующая новинка нашего моба от Бэты Джейн
Мажор на районе

<https://litnet.com/shrt/OJ3f>

ГЛАВА 7. Проветриться.

Феликс

Лиза в ванной, а я таращусь на экран телефона в ожидании ответа Богдана. Он не в сети, вашу мать!

Нервно хожу из угла в угол по гостиной. Не выдержав, набираю ему.

Знаю, знаю. У него там невеста, её мама, приглашение на свадьбу... Но всё же!

– Да, – отзывается Богдан.

– Ты сказал, что мать Лизы её бросила, – выпаливаю без предисловий. – Она говорит – умерла. Ты вроде не фигурально выразился, да? Свалила – это ведь не то же самое, что умерла, так?

– Да бляяя... – протягивает Богдан.

И тут же слышу встревоженный голос Вари:

– Что случилось?

– Ничего, – отвечает он ей. – Всё утрясём.

– Давай не поедem...

– Варь, мы уже едем.

– Богдан!

– Нет, мы едем!

Слушаю, как они переговариваются, видимо, забыв про меня. Немного накаляюсь.

– Вы куда там не поедете? Я думал, вы уже доехали, – вклиниваюсь в их спор.

– Да мы уже в другое место едем, – объясняет он нехотя.
– Общение с матерью Вари не срослось. Мы проветриться решили, выбрали классное место.

Мм... как интересно. Они, значит, проветриваются, а меня назначили нянькой для рыжей колючки.

– Что там с матерью Лизы? – подгоняю Богдана.

– Ну она жива, короче, – это он тоже говорит нехотя. – И я не должен был говорить об этом тебе, а ты ни за что не должен говорить Лизе.

Перевариваю, устремив взгляд в потолок.

– И почему я не должен ей говорить?

– Потому что все вокруг восемнадцать лет молчали, Феликс, – объясняет со вздохом. – И я в том числе.

– И почему ты молчал?

– Мы сейчас ковыряться в этом будем?

– Да, будем, – говорю уверенно.

И вдруг слышу, как щёлкает замок ванной.

Ну или не будем.

– Мы оба были мелкими, короче. Тогда я вообще ничего не знал. Ну подумаешь, бабка её воспитывает. Меня – няньки. Какая разница? Узнал я случайно, и моя мать настояла на том, что Лизе об этом говорить нельзя. Объяснила, что её это ранит. А сейчас тем более...

Лиза, обернутая в полотенце, дефилирует в спальню. На

меня не смотрит. Хотя я стою посреди гостиной, и меня прекрасно видно. Дверь спальни хлопает.

А, ну да, это же теперь её комната.

– Феликс, ты здесь? – слышится в трубке.

– Да, – понижаю голос. – Всё, не могу говорить.

– Скажешь Лизе правду – сделаешь только хуже, – подытоживает Богдан. – Да и не твоё это дело, брат. Ты просто за ней присмотри. Это ведь несложно, да?

– Три дня? – зачем-то уточняю.

Да потому что сомнения закрадываются.

– Ну-у... может, чуть больше.

И почему я не удивлён?

– Ладно, присмотрю, – бросаю я и сбрасываю.

Та-ак... Как-то слишком сильно меня в эту ситуацию погрузили. Прямо по самое горло. А главное – так быстро, вашу мать!

Сажусь на диван и прислушиваюсь. Мне странно неуютно в собственной квартире. Словно я в гостях. И надо это как-то исправлять.

Поднимаюсь, иду к спальне. Толкаю дверь без стука.

Лиза стоит у окна спиной ко мне. Копна рыжих влажных волн рассыпалась по спине до самой поясницы. Ниже – трусики. И больше ничего.

Она слышала, что я вошёл. Но не вздрогнула, не закричала.

Это провокация?

Окей, я провоцируюсь. Очень сильно провоцируюсь.

Подперев косяк плечом, просто пялюсь на неё.

Она перекидывает часть волос вперёд, открывая для меня ещё больше тела. Пропускает рыжие пряди сквозь пальцы, словно расчёсывает их. Свет из окна чётко обрисовывает её силуэт – тонкая талия, соблазнительный изгиб бёдер, острые лопатки под молочной кожей. Такая вся ладненькая для такой заразы.

– Повторить хочешь? – спрашиваю я.

Голос у меня хрипит, во рту пересохло. Спецэффекты на рыжую, не иначе.

Слегка повернув голову, бросает взгляд через плечо.

– Не в этой жизни, Феликс.

– Но у нас в этой уже было, – парирую в ответ.

– То была не я, а моя пьяная версия. А ты просто воспользовался. Больше тебе этого не позволю.

– Сказала она, стоя передо мной голышом, – усмехаюсь.

– Но ты сам вошёл. Сам глазеешь на меня. Мне повернуться?

– Повернись.

Не поворачивается. Схватив со стула футболку, быстро натягивает на себя. Мою футболку. И это почему-то возбуждает ещё больше, чем её полуголая попка, прикрытая трусишками.

А я, вообще-то, как бы не должен возбуждаться... Больше не должен.

Лиза поворачивается ко мне лицом. Подбородок вздёрнут, в глазах – вызов. Ну что, у нас новый поединок назревает?

В этот момент в кармане вибрирует телефон. Оо, видимо в другой раз.

Вытащив смартфон, иду в гостиную. Лиза бежит за мной по пятам. Открываю сообщение от Вируса. Ссылка на страницу ВК и подпись: «Вот твоя воровка». А дальше ещё и адрес.

Как он это делает, я не знаю.

– Что там? Её нашли?

Лиза уже рядом, заглядывает в экран. Открываю ссылку. Девнца лет... Не знаю, непонятно. Малолетка вроде. На аватарке – светлые волосы, губы уточкой. Кристина Малеева. Город – наш.

– Это она украла мой рюкзак?

– Похоже.

Рыжая выхватывает телефон, листает страницу Кристины, впиваясь глазами в каждую фотку.

– Надо к ней поехать. Прямо сейчас, – гневно блестят её глаза.

– Тебя ищут по всему городу. Сам разберусь, – забираю телефон из её рук.

– Нет! – она встаёт в позу.

– Лиза...

– Я сказала – нет, – чеканит она. – Там мои вещи. Я поеду.

С тобой или без тебя.

И по её лицу вижу – поедет. Вылезет в окно, и плевать ей, что восьмой этаж. Не знаю... Угонит велик соседского пацана. Дойдёт пешком, в конце концов. Адрес-то уже знает.

Чёрт.

– Ладно. Но Богдану мы не скажем.

– Не скажем, – бросает она и идёт к двери.

Он там проветривается... И мы тоже, наверное, можем.

ГЛАВА 8. Розовое в сердечко.

Лиза

– Оо, она подписана на вашу группу, – говорю Феликсу, листая страницу этой Кристины, пока он рулит.

– Ты вроде выключила телефон.

– Я включила его ненадолго, – бормочу, переходя в группу «Корпорация монстрофф». – Для дела.

– Не знаю, насколько всесильна твоя бабушка, но по айпишнику можно отследить твой телефон. И тебя, – втирает Феликс.

– Да-да, сейчас выключу. Оо! Эта Кристина пишет комментарии под твоими фоточками. «Красавчик», «огонь»!.. – протягиваю сладенько-ядовитым тоном. – И сердечки, много сердечек, явный перебор...

– Ревнуешь? – он бросает на меня насмешливый взгляд.

– Конечно, – бормочу в ответ. – Я же влюбилась в тебя, Феликс, ты ещё не понял?

– А вот это не стоит, – отрезает он, хмыкнув. – Я в некотором роде занят.

Непроизвольно вздрагиваю. Челюсть моя падает буквально. Быстро возвращаю её на место.

– Как это – занят?

– Ну есть у меня уже подружка. Извини, – бросает небрежно.

А меня сейчас, кажется, стошнит.

У него есть подружка. Но он... этой ночью...

Господи, какой же он подонок.

Утыкаюсь взглядом в окно. Дома, деревья, люди на остановках – всё сливается в одну серую полосу. Внутри – мерзкое тянущее чувство. Не ревность, нет. Просто... Он переспал со мной, не стесняясь ранить другую. И теперь сидит тут такой спокойный и рулит. Даже не моргнул, говоря про свою подружку.

Наконец въезжаем в нужный двор, тормозим у дома во-семь.

– Сиди в машине, – говорит Феликс, набирая что-то в телефоне.

– Что ты делаешь?

– Пишу ей.

Показывает сообщение на экране: «Привет, Крис. Это Феликс. Мы вроде договаривались сегодня пересечься. Ты дома? Я тут рядом оказался».

Нагло, уверенно. Будто они и правда договаривались.

– Она не поведётся, – фыркаю я.

Телефон пиликает через четыре секунды. Четыре, блин, секунды.

Феликс показывает мне её ответ. Куча восклицательных знаков, смайлики с сердечками и «ДА, Я ДОМА!!! СЕЙЧАС

ВЫЙДУ!!!»

– Что ты там говорила? – усмехается он.

Хочется его стукнуть.

– Я иду с тобой, – дёргаю ручку двери.

– Лиза...

– Это мой рюкзак.

Выхожу, не дожидаясь разрешения. Феликс чертыхается, но не останавливает меня.

Кристина вылетает из подъезда через минуту. Вблизи она выглядит младше, чем на фотках – лет шестнадцать, максимум семнадцать. Накрашенная наспех, в топике и джинсовых шортах, на ногах шлёпки. Глаза у неё горят, щёки розовые. На Феликса смотрит так, будто к ней Дед Мороз явился в июле.

На меня она не смотрит вообще.

– Привет, – Феликс включает свою коронную улыбку.

Обаятельную, немного ленивую. От которой, видимо, у девиц коленки подгибаются.

У этой – подогнулись точно.

– Приве-ет! – пищит Кристина. – Не могу поверить! Это и правда ты?

– Правда.

– А Богдан где?

– В отъезде. Слушай, Крис, тут такое дело...

– Так, – вклиниваюсь я, потому что смотреть на это больше не могу. – Ты вчера на пирсе забрала рюкзак. Большой,

чёрный. Мой рюкзак.

Девчонка наконец замечает моё существование и окидывает меня претенциозным взглядом. А на мне футболка Феликса, шорт под ней почти не видно. Скривившись, Кристина заявляет:

– Ничего я не забирала.

– Забирала. Тебя видели.

– Кто видел? Никто меня не видел, – она скрещивает руки на груди и поворачивается к Феликсу. – Это кто вообще?

– Это моя... знакомая, – Феликс мягко берёт Кристину за локоть, чуть отводит в сторону. – Крис, мы не будем заявлять. Просто верни рюкзак, и мы уедем. Без проблем.

– Я не брала! – голос дрожит и глаза бегают.

Врёт. Точно врёт. Я вижу, как она жуёт нижнюю губу и косится на подъезд.

– Крис, – Феликс понижает голос, наклоняется к ней ближе, – ты засветилась на камерах. Мой друг уже нашёл запись. Можем и в полицию обратиться, но зачем тебе это?

Никаких камер, конечно, нет. Но Кристина бледнеет.

– Я... Я думала, его бросили. Он просто валялся среди ящиков.

– Отлично. Неси, – вновь вклиниваюсь я.

Она зыркает на меня, потом на Феликса. Тот кивает. Кристина разворачивается и скрывается в подъезде.

– Если не вернётся, я сама к ней пойду, – предупреждаю парня.

– Вернётся, – Феликс прислоняется к стене дома, скрестив руки.

Проходит пара минут, потом ещё пара.

– Феликс! – топаю ногой.

– Подожди.

Наконец дверь подъезда открывается, и Кристина выходит с моим рюкзаком в руках. Выхватив его, расстёгиваю, заглядываю внутрь. Документы, одежда, туфли, косметичка... В маленьком кармашке по-прежнему лежит мамина фотография – она единственная представляет ценность для меня.

Не реветь. Только не реветь. Не здесь и не сейчас.

– Всё вроде на месте, – выдавливаю из себя.

– Ладно, Лиз, – Феликс кладёт мне руку на плечо, – пошли.

Дёргаюсь от его прикосновения и ухожу вперёд. Кристина мне больше неинтересна.

Пристегнувшись, ставлю рюкзак на колени, обнимаю его обеими руками. Феликс плюхается за руль, заводит мотор.

– Всё цело, Лиз? – его голос звучит с участием.

– Да.

– Хорошо.

Покидаем двор. Обратно едем совсем по другому маршруту, через центр. Здесь оживлённее. Рестораны, кинотеатр, торговый центр...

– Оо, мне нужно туда, – тычу пальцем в стекло.

– Куда?

– В мегамаркет.

– Лиза, нам нельзя светиться.

– Мне нужна зубная щётка. И пижама. И постельное бельё, потому что на твоём я спать не буду, – перечисляю, загибая пальцы.

– Я тебе всё закажу.

– Мне надо сейчас.

– Лиза...

– Феликс, – зеркалю его недовольный тон.

Сверлим друг друга глазами.

– Пятнадцать минут. Ты даже не заметишь моего отсутствия.

Он выдыхает и сворачивает к мегамаркету. Припарковавшись у входа, достаёт из бумажника наличку, протягивает мне.

– Пятнадцать минут. Ни секундой больше. Я буду вон в том ресторане, – кивает на «Меридиан», – закажу еду с собой. Телефон ты свой отрубила?

Киваю.

– Хорошо. Ты же не потеряешься, Лиз?

В его глазах просто тонна сомнения. Словно мне пять лет, и я могу в трёх соснах заблудиться.

Закатив глаза, выхватываю деньги.

– Засакай пятнадцать минут, Феликс.

Бегу в торговый центр. Гипермаркет на первом этаже – огромный, яркий, с бесконечными рядами. Хватаю тележку

и несусь. Зубная щётка – белая с розовой щетиной. Паста. Расчёска... Наконец-то нормальная расчёска... Хотя теперь у меня есть рюкзак, и там – мои расчёски.

Так... Шампунь, гель для душа.

Сворачиваю в отдел с одеждой. Тут не бренды, всё по-простому. Выбираю пижаму. Шортики и майка. Серая, ничего особенного. Но мне нравится.

Бельё постельное...

Стою перед стеллажом, перекладывая упаковки. Белое? Скучно. Серое? Ещё скучнее. А вот это...

Ммм... Какая прелесть! Розовое. В сердечко.

На губах расплывается улыбка. Первая за этот безумный день. Кидаю комплект в тележку.

Феликс увидит – будет в шоке. Среди его брутального минимализма будет пестрить вот эта прелесть. Прекрасно!

Пробиваю покупки на кассе, запикиваю в пакет и выбегаю из гипермаркета. Нахожу Феликса возле ресторана. Он курит у входа. Первый раз вижу его с сигаретой.

– Судя по всему, тебе даже еду ещё не приготовили, – хмыкаю я.

– Не приготовили, – выкидывает окурочек в урну. – Пошли, в машину тебя посажу.

Идём по парковке, Феликс несёт мой пакет. Когда ставит его на заднее сиденье, пакет раскрывается, и из него выглядывает упаковка с постельным бельём.

– Это что такое? – он выуживает комплект на свет божий.

– Не видишь?

– Вижу. Тебе что, тринадцать? Что за буйство красок и сердечек?

Хлопаю его по плечу.

– Это под стать моему настроению, Феликс. Я же сказала, что влюбилась.

Ещё одна новинка нашего моба!

Арина Ларина

Одержимость мажора

<https://litnet.com/shrt/Ejbb>

ГЛАВА 9. Куриная лапша и стиралка.

Феликс

Расставляю контейнеры на столе. Том ям, ростбиф с трюфельным пюре, тартар из тунца и чизкейк. Рыжая разглядывает всё это с нескрываемым любопытством, но старается не показывать, что ей нравится.

– Это ты на двоих взял? Или на роту?

– Ешь давай.

Берёт вилку и, подцепив кусок ростбифа, отправляет в рот. Зелёные глаза на секунду прикрываются. Вкусно. Но вслух, конечно, не скажет.

– Ты умеешь готовить, Лиз?

Выгибает одну бровь.

– Ну умею. Хочешь, чтобы я готовила?

– Не знаю. Может быть...

К покупной еде я привык, но всегда хочется какой-то новизны.

– Ну закажи продуктов, завтра сварю суп, – говорит она небрежно.

И мне вдруг очень хочется попробовать этот суп. Кладу телефон рядом с тарелкой, захожу на сайт гиператора.

– Что нужно купить?

– Давай я сама.

Забирает у меня телефон. Пальцы быстро бегают по экрану. Сравнивает цены, что-то добавляет в корзину. Не всё подряд, только самое необходимое. Веснушчатый нос морщится, когда видит цену на куриное филе. Выбирает другое, подешевле.

– Экономишь на качестве продуктов? – стебу её.

– Дело не в качестве, Феликс, – протягивает сахарным голоском. – Дело в раскрученности марки. Или ты хочешь, чтобы я не сэкономила? Я могу.

– Окей, не мешаю, – раскрываю ладони, капитулирую.

В голове просто рой вопросов. Мне казалось, бабка Лизы из богатых. Не так-то просто выдать внучку за Сабурова, не будучи в его статусе. А тут вдруг экономия, суп...

– И какой будет суп?

– Куриная лапша.

– Мм... Звучит неплохо.

– Я знаю, – хмыкает она самоуверенно. – Готово.

Возвращает мне телефон. Выбираю доставку на завтра, оплачиваю. Едим дальше.

Рыжая добирается до чизкейка и тут уже не может скрыть удовольствие – уголки губ ползут вверх, ресницы подрагивают. Запивает морсом, пачкая уголки этих самых губ.

– Спасибо, – говорит тихо. Почти нормальным, человеческим тоном. Без яда.

– Не за что.

Поднимается, собирает контейнеры и уходит в спальню, больше не говоря ни слова.

Смотрю ей вслед, невольно хмурясь. Не потому, что она меня иногда подбешивает. А потому, что не могу представить, что её могут насильно выдать замуж. Её – и насильно! Да так, блин, не бывает!

Ухожу в гостиную, плюхаюсь на диван и листаю ленту ВК. Потом добираюсь до сообщений. Открываю диалог с Викой, от неё висят непрочитанные с самого утра.

И нет, постоянной подружки у меня нет. Одной нет. Той самой нет. Но есть те, с которыми мы пересекаемся на постоянной основе, но без обязательств, без лишних вопросов и претензий. Удобные девочки, без заморочек. Вика как раз такая.

Она прислала фоточку – чёрное кружево, приглушённый свет, соблазнительный изгиб поясицы. Подпись: «Скучаешь?»

Скучаю ли я...

Пальцы набирают: «Заеду на днях». Отправляю. Вика мгновенно кидает ещё одну. На этой кружева меньше, а поза откровеннее.

Обычно от таких фоток кровь приливает куда надо за секунду. А сейчас... Сейчас я почему-то слышу, как за стеной рыжая шуршит пакетами. Что она там делает?

Перекладываюсь на диване так, чтобы видеть коридор.

Лиза как раз выходит из спальни. Тащит к ванной ком моего постельного белья.

Уже переоделась. Избавилась от моей футболки, надела шорты и майку. Всё в обтяжку. Прямо очень в обтяжку.

С размером ошиблась?

Проходит, не глядя в мою сторону. Запихивает бельё в стиралку, потом – хлопок дверцы барабана, щёлканье кнопок.

– Ты справишься? – кричу из гостиной.

– Будем считать, что я этого не слышала, – язвит она из ванной.

Понятно. Самостоятельная.

Возвращаюсь к Викиным фоткам. Ставлю реакцию – огонь. Увеличиваю последнюю. Ну да, красивая. Ну да, горячая. Ну да...

– Чёрт, забыла! – выпаливает вдруг Лиза и несётся в спальню.

Через мгновение – обратно. Потом – рывок, щелчок и... тишина. Нехорошая такая тишина.

Вижу из гостиной, как Лиза застывает перед машинкой. Потом начинает жать на все кнопки подряд.

– Эй, что ты делаешь?

Не отвечает, жмёт дальше. Поднимаюсь, иду к ней. На полпути слышу – вода. Журчит, льётся, хлещет на кафель.

Она дёрнула дверцу барабана. Та не открылась, но замок отщёлкнулся, и образовалась щель, в которую теперь хлещет

вода – горячая, мыльная. Прямо на пол. Лиза пытается захлопнуть обратно, давит двумя руками – не идёт, замок заклинило.

– Отойди!

Оттаскиваю её и пинком вбиваю дверцу на место. Щёлкает замок, вода перестаёт литься. Но на полу уже озеро. Машина гудит, потом хрюкает. Табло мигает и гаснет.

Бля, сдохла!

– Я просто забыла положить... – голос у Лизы тонкий, виноватый. – Думала, она ещё не начала стирать.

В руке держит кружевной комок. Походу, трусики её. Их забыла положить.

Стою, раздувая ноздри. Не знаю, что сказать.

Злюсь, да. Но... Трусики эти на её ладони и виноватый взгляд... Они творят с моим телом весьма странные вещи. Непозволительные спецэффекты.

Рыжая делает шаг назад, и её нога вдруг скользит по мокрому кафелю. Глаза испуганно распахиваются, руки хватают воздух. Перехватываю её и, подхватив под бёдра, сажаю на стиральную машину. А потом – не отхожу.

Она охает. А я стою, вклинившись между её коленей. Ладони на корпусе машинки по обе стороны от её бёдер. Лицо – прямо перед её лицом. Рыжие пряди обрамляют его, огромные зелёные глаза ошарашенно смотрят на меня, дыхание частое.

Она не дёргается, не огрызается. Кажется, впервые за весь

день воспринимает меня адекватно. Понимая, что я могу быть не слишком добрым, если что.

– Прости, – выдыхает напротив моего рта.

– Я очень надеюсь, – рычу ей в губы, – что готовишь ты не так, как стираешь.

Зрачки её расширяются. Чувствую, как вздрагивают её колени по бокам от моих бёдер.

– Отойди, – шепчет.

– Скажи «пожалуйста».

– Отойди, пожалуйста, Феликс.

Отхожу. Она соскакивает с машинки, чуть не поскользнувшись снова, хватается за дверной косяк и вылетает из ванной. Через пару секунд хлопает дверь спальни.

Стою в луже в мокрых носках, в убитой ванной с убитой стиралкой. И ловлю себя на том, что улыбаюсь.

ГЛАВА 10. Мокрый кафель и немая война.

Лиза

Залетаю в комнату, швыряю трусики на кровать.

Постирала, блин...

Сердце долбит в рёбра, щёки горят. А всего-то посидела на стиральной машине. Под его тяжёлым взглядом. С его вклинившимся между моих ног телом.

Почему меня это так волнует?

Господи, Лиза, соберись!

Он же подонок. У него есть девушка! И он даже не попытался скрыть это от меня. А от неё будет скрывать? Или расскажет о том, что было ночью?

Мне кажется, он – расскажет. Легко признается в измене.

Блин, фу! Вот козёл!

А меня трясёт от одного его взгляда. Жалкое зрелище, честное слово.

Но вода на полу – по моей вине. А я не из тех, кто прячется.

Делаю глубокий вдох, потом выдох – и выхожу в коридор. Феликс стоит там же, где я его оставила. Босиком, джинсы закатаны до колен. Мокрые носки валяются на стиралке.

Оглядывает ванную, прикидывая масштаб бедствия. А масштаб – приличный.

Встречаемся взглядами, и он вопросительно выгибает одну бровь. Я молча забираю тряпку из его рук, опускаюсь на колени прямо в лужу мыльной воды.

– Ведро дай, – говорю, не поднимая головы.

Он молча ставит его рядом. Отжимаю тряпку, бросаю обратно на кафель, собираю воду снова. Отжимаю. Бросаю. Собираю.

Феликс не уходит, лишь перемещается ближе к двери. Я не вижу его лица, но чувствую взгляд. Тяжёлый, неотрывный. И направлен он точно не на мои руки.

– Нравится вид? – бросаю, не поднимая головы.

– Терпимо.

Терпимо?!

Выжимаю тряпку с такой силой, что костяшки белеют. Щёки снова горят.

Терпимо, значит. Тогда какого чёрта пялишься?

– Под машинку затекло, – говорит лениво. – Левее.

Опускаюсь ниже, заглядываю под стиралку. Там ещё целое озерцо. Ложусь почти щекой на мокрый кафель, запиная тряпку под днище, тянусь рукой. Майка задирается на спине. И мне не нужно оборачиваться, чтобы знать – он смотрит именно туда.

– Может, поможешь вместо того, чтобы стоять и пялиться? – цежу сквозь зубы.

– Боюсь, вместе нам будет тесно. А тебе ещё и неловко.

Вытаскиваю тряпку, сажусь на пятки. Поворачиваюсь. Его тёмно-зелёные глаза – прищуренные, цепкие – скользят по мне сверху вниз и обратно. Он даже не пытается отвести взгляд. Вообще ни капли стыда в этом человеке.

– Что?

– Ничего. Продолжай.

Собираю всю воду, пол буквально блестит. Феликс забирает ведро, оно почти полное и наверняка тяжёлое. Спасибо хотя бы на этом. Слышу, как выливает воду в унитаз.

– Тебе бы коврик какой-нибудь сюда прикупить, – говорю с ехидством. – Такой... мягкий, пушистый. Розовый.

Он заглядывает в ванную. Улыбается, гад.

– Вот только попробуй, – говорит тоже с улыбкой.

И почему-то она радостная даже.

Посылаю ему ответную. Но совсем другую – кривую, ехидную. Отвернувшись к раковине, мою руки, потом умываюсь. Колени мокрые, шорты хоть выжимай.

Феликс бросает на пол полотенце.

– Вытирай ноги.

Заботливый какой.

Сам он тоже ступает на это полотенце, и мы топчемся на нём слишком близко друг к другу.

– Кино хочешь посмотреть? – внезапно спрашивает Феликс.

– Пфф... Нет, конечно, – брезгливым тоном бросаю я.

Не с тобой, дружок. Не после того, как ты на меня пялился так откровенно.

Ухожу в спальню и закрываю дверь. Мне вновь приходится облачиться в его футболку, потому что новая пижама промокла.

Застилаю кровать розовым бельём в сердечко, ложусь. И всё. Телефон выключен, телика нет. На тумбочке лежит ноутбук Феликса, но трогать его вещи я больше не рискну. Хватит с меня стиралки.

Лежу, но сна у меня ни в одном глазу. За стеной бубнит телевизор.

Переворачиваюсь набок. Слышу шаги – Феликс проходит мимо спальни, говоря с кем-то по телефону. Негромко, но стены тут не крепостные, и я невольно выхватываю несколько фраз.

– Да, Лер. Это просто прекрасные новости. Очень рад. Обнимаю. Ага...

Лер.

Лера.

Может, это его девушка? Та самая, с которой он «в некотором роде занят»?

Переворачиваюсь на другой бок. Потом на спину. Не могу уснуть.

Какая мне разница, кто такая Лера? Никакой. Вообще никакой.

Но спать не могу.

Лежу очень долго без сна. За стеной тишина, телевизора не слышно. Мне хочется пить.

Тихо выскользнув из постели, выглядываю в коридор. В гостиной свет не горит. А тут только тусклая подсветка в углах потолка освещает дорогу. Крадусь на кухню и вздрагиваю, застыв на пороге.

Феликс.

Я думала, он уже спит. Но он не спит. Сидит с голым торсом и в джинсах на широком подоконнике, открыв окно и свесив одну ногу вниз. Между пальцами мелькает огонёк сигареты.

Свет он не включил, и я, по сути, вижу лишь его силуэт.

– Что, не спится? – спрашивает, не оборачиваясь.

А я хотела по-тихому ушмыгнуть обратно в комнату.

Молчу, наверное, слишком долго, потому что Феликс поворачивает голову и окидывает меня внимательным взглядом. Задерживается на ногах, потом на своей футболке на мне.

– Пить хочу.

Всё-таки прохожу на кухню. Открываю шкафчик наугад – там тарелки.

– Левее, – говорит Феликс.

Открываю следующий и нахожу кружки. Наливаю воду, сажусь за стол. Феликс смотрит на меня удивлённо. Да я и сама удивлена.

Решила с ним поболтать, Лиз? О чём?

– Тут высоко. Тебе не страшно?

– Нет.

Он докуривает, гасит сигарету в пепельнице и наконец вытаскивает ногу из оконного проёма. С улицы тянет тёплым летним ветерком, и мне вдруг становится как-то даже уютно.

– Прости за стиралку, – продолжаю эту нелепую беседу.

– Забей. Починить не проблема, – отмахивается Феликс.

Я пью воду и смотрю на парня поверх чашки. А он смотрит на меня.

– Хочешь что-то спросить у меня, Лиз?

Да, хочу. Но не могу подобрать слов.

Ставлю чашку на стол.

– Да... Насчёт прошлой ночи... – теперь я пытаюсь не столкнуться с ним взглядом. – Я всё ещё ничего не помню. А мне важно знать... Всё было ужасно, да?

Он хмыкает. И от этого звука кровь в моих жилах сначала стынет от стыда, а потом закипает от раздражения. Впиваюсь взглядом в его лицо. Феликс покидает подоконник, пересаживается за стол.

– А что значит «ужасно», Лиз?

– Ну... Ты занимался сексом с практически трупом! – выпаливаю ему в лицо. – Разве это не ужасно?

– О нет, ты была живее всех живых. Просила... Нет, требовала тебя раздеть. А словечки какие говорила – ммм...

Мир перед глазами начинает вращаться, подкатывает тошнота.

Сложно обвинять Феликса. Ведь я сама напилась, сама оказалась в этой ситуации! Наверняка меня накачали чем-то, что вызывает желание. Иначе я не могу объяснить себе такое поведение.

Да, вины Феликса тут почти нет.

Но! Я не могу его не обвинять!

Вскакиваю. Он тоже медленно поднимается. Между нами какая-то немая война, и мы воюем глазами.

– Ещё что-то хочешь знать, Лиза? – чеканит он каждое слово.

– Да, – подаюсь ближе. – Да, хочу. Ты лишил меня девственности и даже этого не заметил. Ты тоже, блин, был под чем-то?

Толкаю его в грудь.

Ответа я не жду.

Вылетаю из кухни.

ГЛАВА 11. Многогранная.

Феликс

Я почти всю ночь не сплю. И дело совсем не в том, что подо мной грёбанный диван, а не любимый удобный матрас.

Дело в рыжей колючке, которая вторглась в моё пространство на неизвестное количество дней. И я не знаю, как это пространство с ней делить. Реально не знаю.

А ещё в памяти без конца мелькают картинки той ночи. Её обнажённое тело, томный взгляд из-под ресниц и губы...

Чёрт! Её губы...

Поднимаюсь в семь.

В восемь вызываю мастера по стиралкам.

В девять приходит смс от Богдана: «Бабка Лизы связалась с моей матерью. Она уверена, что Лиза пошла ко мне. Твои номера пробили, Лизу активно ищут. Подключили ментов. Высовываться вам вообще нельзя».

Вот это зашибись новость! А я планировал слегка отвлечься от этой рыжей головной боли и наведаться к Вике.

Пишу Богдану: «Понял тебя».

И тут же: «А что дальше? Будем делать ей новый паспорт? Вывозить из страны? Какой план, Богдан?»

Завариваю себе вторую чашку кофе в ожидании ответа от него. Наконец он приходит.

«Я вернусь и сам с её бабушкой поговорю. Особенно насчёт Сабурова. Замуж она за него выйдет только через мой труп».

Перечитываю дважды. Так эмоционально Богдан привязан только к Варе. Во всяком случае, мне так казалось. И как, блять, так вышло, что у моего лучшего друга есть ещё одна болевая точка, о которой я не знал?

В десять приезжает доставка продуктов.

В одиннадцать Лиза выскакивает из спальни и надолго запирается в ванной.

Проходя мимо открытой двери спальни, машинально смотрю туда и тут же сбиваюсь с шага. Мой взгляд выхватывает розовое недоразумение на кровати. На моей кровати. Торможу, сдаю назад, поворачиваю голову...

Бля... От сердечек рябит в глазах, от розового цвета сводит скулы.

Перфекционист внутри меня истерично ржёт.

Рывком закрываю дверь, чтобы этого не видеть, и стою как истукан. Забыл, куда шёл и зачем.

В этот момент дверь ванной открывается, и мы с Лизой сталкиваемся взглядами.

Волосы она собрала в небрежный пучок, оголив свою точёную шею. Моя футболка на ней – как ультракороткое платье. И чудится мне, что под ней вообще ничего нет.

Мой взгляд переползает за её спину. Вижу на сушилке серую пижаму и ту самую кружевную вещичку, которая и сломала вчера стиральную машину. Точнее – её отсутствие там.

Лиза постирала всё вручную. А моё постельное тухнет в стиралке.

Возвращаю взгляд к лицу девушки, и она почти беззвучно спрашивает:

– Что?

– Привезли продукты.

– Хорошо, – коротко кивает и идёт на кухню.

Я двигаюсь следом, даже не осознавая этого.

Лиза подходит к холодильнику, не поворачивая головы в мою сторону. Открывает, достаёт пакет с курицей.

– Кастрюля где?

Голос у неё ровный. Будто вчера ничего не было. Будто она не толкала меня в грудь и не бросила мне в лицо то слово, от которого я полночи таращился в потолок.

Девственность.

– Нижний шкаф, справа.

Она ставит кастрюлю на плиту, и начинается то, чего я в этой кухне ещё не видел.

Лиза быстро и ловко режет лук. Ни единого лишнего движения. Прозрачные полукольца ложатся ровной горкой на доску. Морковь чистит, потом трёт на крупной тёрке. Солит воду, даже не пробуя. И двигается по кухне так уверенно, как будто хозяйничала тут всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.